

ЛЕКЦИЯ 12

В прошлый раз мы с вами говорили о таинстве крещения вообще, о том, как нужно понимать это таинство и как к нему готовиться. Вы помните, что таинство крещения — это первое таинство, которое имеется в нашем требнике, и это вполне естественно, потому что с него начинается церковная жизнь, это таинство духовного рождения.

От того, как человек рождается, зависит вся его жизнь. Если, скажем, роды будут неблагополучными, то человек может родиться уродом или даже умереть, может быть слабым всю жизнь, может быть недоношенным и т.д. Подобно этому, и таинство духовного рождения накладывает серьезный отпечаток на всю дальнейшую церковную жизнь человека. От того, как человек крестился, зависит очень много.

В первые века креститься было непросто. Во-первых, существовали большие ограничения, а кроме того, это была эпоха гонений, поэтому крестили в основном взрослых, и нужно было решиться на то, чтобы поставить себя перед лицом гонителей. Каждому крещеному могла угрожать смерть, пытки. Естественно, что люди относились к крещению очень серьезно, и крещаемый не только понимал, на что он идет, но и старался понять смысл происходящего — не только чем ему это грозит, но и что именно происходит и как.

Сейчас все изменилось, и более всего трансформировалось понимание таинства крещения и таинства покаяния. Так получается, что именно эти два таинства, которые вводят человека в церковную жизнь, пострадали первыми, когда началась эпоха новых гонений. Церковь оказалась не готовой к этим гонениям в том смысле, что она не смогла всё сохранить в условиях гонений. Потому не могла сохранить, что в переменной обстановке — в эпоху государственной религии, государственного православия — люди перестали понимать, что происходит, что надо делать, что должно быть. И здесь возникли тяжелые злоупотребления. Эти злоупотребления сейчас воспринимаются практически везде как норма. То есть, считается нормальным, например, если приносят с улицы ребенка и, заплатив за ящиком сколько-то денег, требуют, чтобы священник немедленно его крестил. При этом никто не спрашивает, верят ли в Бога его родители, являются ли церковными людьми его крестные, гарантируется ли ему церковное воспитание в дальнейшем, будут ли его причащать, учить молиться. Об этом никто не спрашивает, а если священник и спросит, то очень часто в ответ получит окрик: "Хватит! Мы заплатили — делайте свое дело". Такое хамское и грубое отношение приходилось и мне довольно часто встречать от приходящих с улицы. И это вполне естественно, потому что Церковь для них это просто магазин своеобразных товаров, и больше ничего.

Тем не менее считается, что крестить нужно всех даже в таких условиях, и мнение это стало нормой нашей церковной жизни, что, конечно, очень страшно и прискорбно. Может быть, лет 10-15 назад и можно было оправдать такое компромиссное отношение Церкви к этому вопросу. Ведь отказать в крещении тоже язык не поворачивается, это трудно. И ничего нельзя потребовать от тех людей, которых ничему не учили. И если они приходят крестить младенца, то это все-таки, наверное, неплохо, все-таки им захотелось его крестить. И прогнать их — это и тяжело, да и, может быть, неправильно.

— 2 -

С другой стороны, совершать это великое и страшное таинство формально, без веры, совершать его, лишь бы совершить, — это граничит с кошунством. Здесь происходит, конечно, профанация таинства. Сейчас, когда появилась возможность приложить какие-то усилия, чтобы привести все в должный порядок, мы никак не можем игнорировать эту возможность, мы должны обязательно ею воспользоваться и все силы приложить к тому, что таинство крещения в нашей Церкви происходило так, как положено ему происходить. Это относится и к таинству покаяния. Это необходимо для того, чтобы вернулась настоящая христианская жизнь, чтобы духовная жизнь людей не повреждалась в самом своем начале.

Теперь перейдем к изучению самого чинопоследования крещения. Я уже, кажется, говорил, что в начале требника мы имеем ряд молитв. Первая молитва — "В первый день по внегда родити жене отроча". Затем следует молитва "Во еже на ... отроча, приемлющего имя в восьмый день рождения своего". Затем идут молитвы "Жене-родильнице по четырнадцати днех", т.е. молитвы сорокового дня. Эти молитвы, как легко понять, составлены по образу ветхозаветных молитв. В нашем требнике молитв, конечно, гораздо больше, чем в Ветхом Завете предусматривалось, но Ветхий Завет оказал существенное влияние на наше богослужение и на разные требные моменты жизни.

Вы помните, что в Ветхом Завете был закон, по которому в восьмой день полагалось обрезание отроча. В Новом Завете вместо этого обряда обрезания ставится наречение имени. Молитва сорокового дня тоже связана с Ветхим Заветом, потому что в этот день обычно женщина-родильница кончает срок очищения и может придти в храм.

Я позволю себе подробнее остановиться на этом вопросе: почему нельзя женщине приходить в храм до сорокового дня? Очень часто у нас вызывает удивление это ограничение, и многие считают его

пережитком Ветхого Завета. В Новом Завете таким ограничениям, казалось бы, не должно быть места. Некоторые смиряются, считают, что можно смириться, но в общем смысл непонятен. Раз уж так повелось, раз уж пришлось от Ветхого Завета все это принять, то будем смиряться, но почему это так непонятно.

Имеет смысл это понять. Вы помните, что в начале Книги бытия, после грехопадения Адама и Евы, Господь дает епитимию Адаму: "В поте лица твоего будешь есть хлеб свой". И Еве тоже дается епитимия: "В муках будешь рождать детей". Известно, что в Новом Завете есть такое утверждение: чадородием спасается женщина. То есть, этому естественному моменту рождения ребенка Господь после грехопадения усваивает еще как бы особенность и свойства епитимии. Это не просто радостное, торжественное событие, но это еще большой и трудный подвиг, и рождаться ребенку приходится в муках.

Вы помните, что епитимия (мы об этом будем говорить позже, когда будем изучать таинство покаяния), то есть некоторое научительное, воспитующее педагогическое наказание, которое дается, когда человек согрешил, чаще всего бывает сопряжено и даже состоит в ограничении евхаристической жизни. Человек, который согрешил, прежде всего отлучается от причастия на больший или меньший срок. Приступать к Чаше может только человек, имеющий чистое сердце, а всякий грех разлучает нас с Чашей Христовой. И нужно покаяться, как-то потрудиться, пройти какую-то особую покаянную дисциплину для того, чтобы снова быть допущенным к Чаше. Это и называется епитимией. Поэтому епити

— 3 мия, возложенная на Еву, тоже имеет оттенок ограничения евхаристической жизни.

Можно спросить: а почему Адам не отлучается от причастия, а просто в поте лица должен есть хлеб свой? Труд в поте лица тоже отлучает от евхаристической жизни, как нам всем хорошо известно. Даже дети очень часто страдают, когда не хотят идти в школу, а хотят пойти в церковь, а родители говорят им: нет, хоть и хорошо, конечно, пойти в церковь, и приятно, и радостно, и мне очень приятно, что ты хочешь в церковь пойти, но все-таки тебе придется пойти в школу. Тем более человек, который трудится на какой-то работе, не может участвовать во всех церковных праздниках, и очень часто этот труд в поте лица является как раз ограничением евхаристической жизни.

Кроме того, работа в поте лица заповедана человеку, можно сказать, на всю его жизнь. Потомки Адама так всю жизнь и трудятся в поте лица: без труда, как говорят, не вынешь и рыбку из пруда. И вот рождение ребенка и вообще вся сфера деторождения должна была бы иметь продолжительный срок и смысл. Если бы речь шла о том, что только родивши один раз ребенка, женщина уже освобождается от епитимии, то было бы существенное неравенство между мужчиной и женщиной: мужчина должен всю жизнь трудиться, а женщина только один раз родит ребенка — и все. Тем более что дети бывают не у всех. Тут понятно, что детородная деятельность и жизнь женщины тоже воспринимается Церковью как епитимия. Ею налагается некое ограничение евхаристической жизни на женщину.

Когда человек согрешил, он приходит на исповедь и очень часто слышит от духовника: грехи тебе прощаются, а причащаться ты еще не можешь. Пойди и исполни то, что я тебе скажу: помолись в течение какого-то периода или еще что-то сделай и тогда будешь допущен к причастию.

Подобно этому и здесь. Когда женщина носит ребенка, то ей говорят: причащайся как можно чаще. И до рождения ребенка стараются часто причащать ее, чтобы укрепить, напитать ее благодатными силами. Когда же она родит ребенка и уже как бы исполнила свою епитимию, то здесь в соответствии с природой и с духовным смыслом епитимии ей дается продолжительное время, когда она ограничена в евхаристической жизни, не может приходить в храм. Она должна понять, что рождение ребенка — не только радость, не только торжество, но и епитимия за первородный грех. Поэтому на 40-й день женщина должна придти в храм и получить молитву очистительную, т.е. молитву, в которой говорится, что она исполнила то, что Господь ей дал исполнить, и теперь Так что все это не просто является пережитком ветхозаветной жизни, а полно глубокого смысла.

В чине молитв сорокового дня мы находим две молитвы, обращенные к матери. В них говорится, что пришла женщина, "да не осужденно сподобится причаститься Святых Твоих Таин". И во второй молитве тоже говорится: "..... причащение Святаго Тела и Крови Твоея". В этой молитве как раз акцентируется то, что она приходит и снова будет допущена к причащению Св.Христовых Таин.

Потом следуют две молитвы, которые читаются младенцу. Эти молитвы содержат в себе прошение о том, чтобы младенец был крещен. Они имеют явный приготовительный к крещению смысл. Там говорится о том, чтобы младенец был сподоблен очищения в купели и был бы потом сопричислен стаду Христову. Я подчеркиваю этот момент потому, что по утвердившейся теперь практике эти

— 4 молитвы читаются во время чина воцерковления, после крещения. Сначала крестят, а потом читают эти молитвы, воцерковляют младенца. Это вызывает некоторые своеобразные последствия. Поскольку в чин входит и молитва сорокового дня для матери, то матери, не получившие молитву, не могут присутствовать на крещении. Только когда окрестят младенца и будут его воцерковлять, читаются

молитвы родильнице, молитва сорокового дня. И только здесь матери допускаются в храм. Поэтому если вы участвовали в крещении младенца, вы, наверное, заметили, что священник всегда очень старательно выгоняет матерей, не допускает, чтобы они присутствовали при крещении. Это даже воспринимается часто как некое особенное магическое требование: матери нельзя почему-то быть, когда крестят ребенка.

На самом деле матери при крещении младенца быть и можно, и должно было бы, но просто это должно быть уже после того, как она допущена в храм, если крещение происходит в храме. Для этого нужно, чтобы молитва была прочитана раньше, чтобы она раньше пришла, получила разрешительные молитвы и ей можно было бы присутствовать при крещении. А у нас делается все наоборот, потому что воцерковление ребенка совершается после крещения.

Что такое воцерковление? Это принесение к алтарю, к престолу. Естественно, что приносит к алтарю некрещеного младенца нельзя, воцерковление должно совершаться после крещения. А раз после крещения, то заодно и весь чин читается после крещения и молитва матери читается тоже после крещения. Поэтому матери не могут присутствовать при крещении.

Все это происходит от недостаточного понимания того, как на самом деле должно быть. Может быть, отчасти от спешки, а может быть примешиваются и причины коммерческого свойства: у нас в церкви очень любят брать деньги за молитву матери, к сожалению.

На самом деле должно быть все не так. Молитва матери должна читаться именно в сороковой день. Не когда угодно, не через три года после рождения ребенка, как теперь это часто бывает. Приходится так делать, поскольку мать вовремя не приходит, но на самом деле молитва должна читаться в сороковой день. И это существенно. А молитвы младенцу тоже могут читаться вместе с молитвой матери, но в принципе они к сороковому дню не имеют прямого отношения, кроме того, что тут сказано:

".....". То есть, принесение младенца к алтарю в сороковой день просто взято из Ветхого Завета. Там был закон: мать должна принести в храм младенца, особенно первенца, и выкупить его, принести за него жертву, а его посвятить Богу (это есть содержание праздника Сретения) в сороковой день, когда окончится время очищения ее. Следуя этому ветхозаветному обычаю, и здесь так же устраивается.

Но в принципе я думаю, что можно эти молитвы прочитать ребенку и раньше, если он крестится. Но вообще здесь все очень сильно у нас перемешалось. Раньше младенцев крестили обычно на восьмой день, когда нарекали имя. И тогда их никто не воцерковлял. А затем, когда у матери проходило сорок дней, она с уже крещеным младенцем приходила в храм, и там ей читали молитву очистительную и заодно молитвы младенцу и младенца воцерковляли. При этом происходила некоторая ошибка, потому что в молитвах младенцу содержится прошение о крещении, а он уже крещен. Это тоже послужило причиной того, что у нас эти молит

— 5 вы читаются после крещения. На самом деле молитвы младенцу должны быть до крещения, то есть, иначе говоря, младенец должен был бы креститься не на восьмой день, а на сороковой.

Но так или иначе, все это не имеет существенного значения. Важно одно: эти молитвы читаются перед крещением младенца, а воцерковление совершается после крещения младенца. И об этом прямо написано в требнике. Эти молитвы вовсе не обязательно связаны с воцерковлением. После молитв младенцу написано: "И аще младенец крещен есть, творит иерей воцерковление, аще же ни, творится се по крещению. Молитвам же зде творит отпуст". То есть, если младенец некрещен, то здесь говорится отпуст молитвам, а дальше совершается крещение, а воцерковление не совершается.

Поэтому разумнее всего в наше время поступать следующим образом: когда приходит мать с младенцем, если уже прошло сорок дней, то тогда ей читают молитву сорокового дня и читают молитвы младенцу. А после этого совершают крещение, и мать уже может при нем присутствовать. Воцерковляют же после крещения младенца.

Если же младенец крестится раньше сорокового дня, то молитвы матери, естественно, не читаются, а молитвы младенцу читаются тоже до крещения. Так что после крещения эти молитвы читаться, конечно, не должны, это странно и бессмысленно: получается, что мы молимся о том, что уже совершилось. Просим младенца крестить, а он уже крещен. Этого, конечно, делать не следует.

Если бы мы так научились делать, не было бы проблемы с матерями. А проблема эта очень существенная. Представьте себе: обычно приносят младенцев уже не маленьких — годовалых, а то и в два, три года. Приносят в храм и начинают выгонять его маму. А ребенка берут чужие дяди и тети, священник в какой-то необычной одежде. Ребенок начинает, конечно, безумно орать. И получается, что мы своими искусственными ограничениями превращаем крестины в невозможный базар. Когда гораздо проще и естественнее было бы оставить ребенка у матери и он спокойно сидел бы у нее на руках, и никакого бы шума не было.

Обращу ваше внимание на то, что все эти молитвы, о которых я сказал, точнее, молитва матери на сороковой день и молитва наречения имени на восьмой день, начинаются возгласом: "Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь." — возгласом, которым начинаются почти все богослужения. А после этих молитв должно начинаться крещение. Оно состоит из двух частей: оглашения и собственно крещения. Чин оглашения не имеет никакого возгласа. Если вы посмотрите по требнику, то там прямо содержится краткое предисловие, потом "Господу помолимся" и молитва. В предисловии говорится: ".....и совлачает и отрешает его, и поставляет к востоку во единой ризе, непрепоясана, непокровенна и необувенна, имущего руце долу".

Что значит "совлачает"? Это значит "раздевает". То есть, он должен быть раздет. Но отнюдь не догола. Тут сказано, что "в единой ризе" он остается — в какой-то нижней одежде. После этого священник дует на лице его трижды, накладывает крестное знамение на чело его и перси трижды, полагает руку на главу его, глаголя: "Господу помолимся.....".

И тут уместно спросить: почему при начале такого чина нет никакого начального возгласа? Он есть в начале утренних и вечерних молитв ("Благословен Бог наш..."), в начале всех наших

— 6 служб, в начале любого чинопоследования, а здесь его нет. Почему? Это не случайно, и это вовсе не ошибка. А просто потому, что этому чину предшествует другой чин — чин наречения имени или чин сорокового дня, где возглас есть. А дальше оглашение присоединяется непосредственно, и новый возглас не требуется. То есть, здесь мы тоже находим подтверждение тому, что молитва сорокового дня и молитва на воцерковление ребенка должны быть прочитаны до крещения, до оглашения.

Дальше следуют молитвы из чина оглашения. Вы помните, что этот чин имеет свое название вовсе не случайно. Что значит "оглашение"? Это значит, что крещаемый оглашается Словом Божиим, оглашается молитвами. Он должен выслушать эти молитвы, он должен пройти как бы специальный путь, когда над ним прозвучит Слово Церкви, Слово Божие. Отсюда — довольно странное для нас название: "оглашенный". У нас оно обычно употребляется в таком контексте: "Что ты кричишь, как оглашенный?". Может быть, это именно потому, что дети оглашаемые очень сильно кричат, когда их разлучают с матерями. На самом деле оглашенный, или "катехумен" по-гречески, — это человек, который проходит оглашение — период, время, или чин оглашения.

В древности такой период оглашения мог быть очень длительным: год, два и даже три года. Оглашали не сразу читая молитву. Оглашение включало цикл огласительных бесед, которые часто проводил епископ. У нас сохранились такие чины. Всем известны огласительные беседы Кирилла, Патриарха Иерусалимского. Такие беседы мог проводить и пресвитер (священник). Они проводились в течение длительного времени и носили характер вероучительный. В этих беседах оглашаемому объясняли истины веры, православное христианское вероучение. И оглашающий должен был понять, почувствовать, готов ли пришедший к нему креститься принять таинство или не готов, имеет ли он для этого нужную веру, расположилось ли его сердце в достаточной мере, чтобы принять это таинство.

Такое отношение к совершению таинства очень существенно. Оно совершенно сейчас нами утрачено, и в современных храмах такого чина мы почти нигде не встретим. Крестят всех подряд, и священник не считает себя ответственным за то, как он преподает благодать Божию. А между прочим, еще недавно православные люди помнили пословицу: "Не предаждь креста в незаконные уста". И сейчас у нас еще священник наблюдает, не приходит ли к Чаше Святой человек без исповеди, то есть подготовлен ли он к причастию исповедью.

Точно так же священник всегда должен быть начеку и следить за тем, подготовлен ли человек к совершению любого таинства. В любом таинстве дается благодать Св. Духа, и священник не имеет права давать эту благодать кое-как. Он должен знать, что эта благодать может быть для спасения, а может быть в суд и в осуждение. И должен об этом предупредить того, кто приходит к таинству, убедиться в том, что ему это будет на пользу, что он способен его воспринять с необходимым благоговением и верой. Поэтому чин оглашения, когда священник имеет дело с человеком, пришедшим извне, то есть неверующим очень часто, или только что пришедшим к вере, или думающим, что он верит, а на самом деле нужной веры не имеющим.

Здесь оглашение приобретает особенное значение. Оно было необходимо в древности, считалось совершенно необходимым перед крещением взрослого. Но, конечно, когда крестили младенцев, то об оглашении в этом смысле речи идти не могло, потому что объяснять младенцу ничего нельзя. Здесь оглашение сводится толь

— 7 ко к чтению огласительных молитв. У нас на Руси ввиду того, что в течение многих веков вся Русь была православной, крестили только младенцев, взрослых практически не крестили. Поэтому оглашение, как некая подготовка к крещению, у нас на Руси было просто забыто, утрачено. Забыли о том, как оглашение делается, что требуется и даже о том, что оно вообще нужно, тоже забыли наши священники.

И вот происходит революция, и очень быстро появляется большое количество взрослых людей неверующих, которые хотят креститься. А священники не только не знают, что нужно оглашать — они не умеют этого делать, они веками никого не оглашали. Они даже купели не имели, где крестить взрослых, они ведь крестили только младенцев в маленьких купельках. Отсюда возникает почти кощунственное словосочетание, как советский способ крещения, когда крестят кое-как, ни о чем не спросив, не предупредив, ничего не объяснив. Поливают водой или брызгают вместо того, чтобы погружать.

Все это возникло от внезапно начавшегося гонения, когда условия жизни Церкви внезапно полностью изменились, к чему Церковь оказалась не готовой. Мы с вами должны восполнить этот пробел и вернуться к древней практике.

Священник или епископ, убедившись в том, что оглашаемый готов к крещению, над ним совершают чин оглашения. А в древности это могло быть не так — чин оглашения частично мог совершаться и раньше, если можно так сказать, растягиваться во времени.

Итак, первая молитва из чина оглашения (текст молитвы).

И потом следует молитва под названием "Запрещение первое": (текст молитвы).

Первая молитва, как вы видите, носит характер просительный. "А теперь запрещение". Это слово может нас насторожить. Не попали ли мы с вами в сферу какой-то магии? Мы привыкли, что всякие заклинания совершают колдуны, маги. Почему же здесь, в чине крещения, священник начинает что-то запрещать, то есть, иначе говоря, заклинать?

Всякие заклинания — вещь очень опасная, это очень легкий путь потери православного устройства, православного духа, тут легко можно скатиться к какому-то магическому католицизму или просто к язычеству, и мы это должны помнить, знать и быть здесь очень осторожными. И все же мы должны вспомнить, что Сам Господь Иисус Христос запрещал нечистым духам, и духи исходили из бесноватых. Мы помним также, что Господь послал Своих учеников на проповедь и сказал: "Се, даю вам власть вязать и решить и наступать на всякую силу вражию", т.е. Господь дает им власть побеждать эту вражью силу, нечистый дух. И когда ученики возвратились ко Христу, то они сказали: "И бесы нам повинуются", т.е. они исходят по слову апостолов. Апостолы употребили власть, полученную от Христа, и запрещали нечистым духам, и те исходили. То есть, такая вот запретительная власть или, как говорят, заклинательная власть, была присуща еще апостолам и христианам с самого начала.

Тогда встает другой вопрос: может, мы напрасно так сердимся на магизм и всякие заклинания, а на самом деле в Церкви всегда это было? Почему же мы теперь хотим вдруг лишиться Православную Церковь, православную службу ее заклинательного как бы значения, хотим как бы обессилить Слово?

Что такое магизм? Это подход, который характеризуется католической формулой: "Ex opera operatum", т.е. "по силе сделанного действия" — что-то должно совершиться в силу совершенного

— 8 действия или в силу сказанного слова. То есть само по себе действие, само по себе слово уже обладают такой силой, что всё должно совершаться по этому слову.

Это довольно опасное утверждение. Если слово — это чистый магизм, то не лишаем ли мы слово его силы? Ведь Слово — Логос — есть богоподобный дар. Недаром мы говорим, что Господь Иисус Христос — вторая ипостась Святой Троицы — Бог Слово. Значит, слово действительно имеет особую божественную силу в себе, и нужно ли удивляться тому, что оно имеет власть вязать, решить и творить чудеса?

Конечно, это так. С этим спорить было бы неправославно, это было бы в корне неверно, если бы мы стали это отрицать, сказав, что слова не имеют никакого значения. Конечно, слово имеет великую силу.

Тогда в чем же магизм, почему мы не позволяем положиться на силу слова и считать, что если слово сказано, то уже в силу одного этого должно произойти какое-то действие? Вот это — магизм?

Да, это магизм. И вот здесь весьма тонкая есть грань, и от нас требуется весьма тонкое различие. Естественно, магизм для нас крайне опасен и противоположен по своему смыслу нашему православному устройению. Здесь лежит и различие православия от католицизма в значительной степени, и тем более от язычества, так что нам нужно понимать обязательно, где магизм, а где нет. Особенно в наше время, когда всякие маги и всякий магизм приобрели такое распространение в мире, что отовсюду только и слышишь всякие угрозы, что тот или иной маг сейчас тебя по телевизору заколдует или еще что-нибудь сделает. И очень много сект, очень много соблазнов такого рода.

Значит, нужно понимать — и я это еще раз подчеркиваю что в православном богословии никакого магизма нет и быть не может и не должно быть. Никогда, нигде.

Но где же этот магизм может пролезть, где мы можем его не заметить и пропустить? Именно в том случае, если мы будем думать, что слово само по себе может обладать какой-то силой. Или действие может обладать какой-то силой само по себе. Этого быть не может с точки зрения православия, так бывает только у колдунов. Но в православной вере так быть не должно. Слово имеет огромную творческую, созидательную силу, действительно "власть вязать и решить", но только тогда, когда это

слово исходит от веры, от любви, когда оно несет в себе сердечную веру, когда оно несет в себе исповедание этой веры. Вот тогда слово действительно является тем, чем оно должно быть. Это действительно будет Божественный дар, Богоподобный дар, полученный человеком от Бога при творении, когда понятно, что человек — это словесная тварь, в отличие от всех бессловесных. И одна из черт богоподобия человека — именно в этом даре словесном, Логосе. Вот такое слово, которое несет в себе как бы духовную жизнь человека, является как бы носителем его духовного первородства, его богоподобия, — такое слово имеет огромнейшую силу. И всякое заклинание православное ли запрещение имеет именно эту силу, эту власть. Не "Ех оrega oregatum" священник запрещает что-либо — он молится, он запрещает с верой, обращаясь к Богу. Он знает, что делает это не потому, что знает какую-то формулу, как это делают колдуны — вот сейчас, мол, скажу, и с тобой неизвестно что будет, ты заболеешь или умрешь. Это колдовской магизм. Такого в православии нет и быть не может. Слово, сказанное с верой, властью, которую дает мне Бог, — только такое слово будет иметь силу.

— 9 -

Так что священник, запрещая нечистым силам, прекрасно знает и помнит, что не своей силой он действует и не просто знанием каких-то формул, а через него действует Бог, через его логосный дар действует Божественная сила. Когда он запрещает нечистым духам, то он действует от лица Церкви, от лица Божия.

Есть такое слово латинское — "экзорцист", т.е. изгонитель бесов. Вот священник в данный момент является таким экзорцистом. Но горе ему, если он хоть на минуту подумает или почувствует, что это он вот такой стал сильный и святой, что он может повелевать бесам своей силой, как говорится, своей энергетикой, своим "биополем", и они будут его слушаться. Как только человек так начнет думать, ему обеспечена прелесть, это грозит ему духовной гибелью.

Напомню вам одно место из Деяний святых апостолов. Вы помните, как однажды семь сынов иудейского первосвященника, не верующие во Христа, пытались изгонять бесов, говоря: "Заклинаем вас Иисусом, которого Павел проповедует". Но злой дух сказал в ответ: "Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?". И бросился на них человек, из которого они хотели изгнать бесов, и одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома (Деян, 19).

Случай замечательный для нас, который как раз предостерегает не только простого человека, но и священника от того, чтобы он не брался изгонять бесов, не зная Христа, не зная Павла и думая, что это он делает свою силою.

Мы оправдались от обвинения в магизме и теперь уже можем к этому не возвращаться. Будем помнить, что мы к магизму не имеем никакого отношения, а запрещать бесов Господь дал нам власть. Между прочим, не только священникам. Каждый христианин принадлежит к роду избранному, вы — царственное священство, люди, взятые в удел, так что каждый христианин очень часто пользуется этой силой, читая молитвы. Есть даже у нас такое твердое поверье и даже уверенность, что молитва "Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его" имеет такую силу. Но опять-таки предупреждаю: если вы будете думать, что сама по себе формула этой молитвы имеет такую силу, то это будет, как у того А мы можем читать эту молитву, именно молясь Богу. Мы говорим: "Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его". Мы просим этого у Бога, и наши слова, сказанные с молитвой и верой, будут иметь силу.

Так вот, запрещение первое. "Господу помолимся". И лик отвечает: "Господи, помилуй". Священник говорит весьма страшные слова: "Запрещает тебе, диаволе, Господь, пришедый в мир и вселивыйся в человецех..." (текст молитвы).

Обратите на эти слова внимание. Сначала говорит "запрещаю", а потом как бы уточняет: Бог запрещает тебе, "убойся, изыди..." (текст молитвы).

Эта молитва как бы производит впечатление духовного единоборства, когда священник выходит именно от лица Церкви, от лица Божия для того, чтобы измать Сатану. Эту молитву следует читать именно с такой верой, нужно, чтобы священник понимал значение, смысл, величие этого единоборства, этой молитвы, потому что именно через него Церковь устремляется на спасение человека. Он от лица Церкви это говорит. То есть Христос, пришедший спасти мир, и сейчас тоже спасает этого человека, хочет отнять этого человека у темной силы. И священник именно от лица Христова, нося на себе образ Христов, вступает в этот бой. Эта молитва читается, конечно, лицом к крещаемому, к оглашаемому. Если молитва, обращенная к Богу, совершается лицом к ал

— 10 тарю, то здесь священник поворачивается к оглашаемому и говорит: "Запрещаю тебе, диаволе".

Затем следует второе запрещение: "Бог святой и страшный, славный..." (текст молитвы). В этой молитве, которая является страшным заклинанием, изгнанием беса, мы видим, казалось бы, нечто противоположное по духу. Вся средняя часть этой молитвы, является совершенно особенным поэтическим любованием Богом. Вдумайтесь, как это удивительно сказано, такой красивой молитвы, может быть, нигде больше и нет. Эта молитва исключительно поэтична. А ведь на самом деле это заклинание, запрещение бесам. Еще раз читаю вам (текст молитвы). Это же просто стихи, и в них —

прекрасный образ, образ неизреченной красоты Божией. Изгоняя нечистую силу, здесь изгоняется всякое уродство, зло, мрак, темнота. Священник как бы рисует красоту горнего мира, красоту Божию. И этой красотой как бы изгоняется зло и уродство. Помните, как Достоевский говорил: "Красота спасет мир". Это древняя очень молитва, и в ней замечательно сочетание поэтического восхваления Богу с активным воспрещением диаволу.

Заканчивается эта молитва словами: "Запрещаю тебе..." (текст молитвы).

Все эти молитвы, которые теперь священники бормочут про себя, когда крестят, потому что у них не хватает силы прочесть это внятно, когда множество младенцев, когда нужно как можно скорее все сделать, потому что они кричат, и тут, конечно, уже не до поэтических описаний. И священник, действительно, как какой-то маг, быстро-быстро про себя все это бормочет. И может быть, именно в том, что священник не молится как должно, не сознает себя здесь представителем Божиим в единоборстве с нечистой силой, это имеет значение в том, что современные крещаемые как бы не воспринимают часто благодать крещения так, как должно. Они очень часто уходят от крещения, ничего не почувствовав, и это изгнание нечистой силы над ними как бы неполно совершается, потому что не так совершается крещение современное, как это должно делать.

Затем — запрещение третье: ".....". Здесь уже следует повернуться к алтарю, потому что, хотя это и запрещение, но уже здесь оно обращено не к диаволу, а, как всякая молитва, к Богу. "Призри на раба Твоего..." (текст молитвы).

Эти три запретительные молитвы, имеющие такое особенное значение, приготавливают к дальнейшему чину. Есть еще одна молитва, которая не называется запрещением, а просто называется молитвой (текст молитвы). Здесь священник дует на уста его, на чело и на перси: "Изжени из него..." (текст молитвы). И дует трижды. Здесь уже совершается некое действие, которое должно навести нас на вопрос о магизме. Но и здесь, точно так же как в слове, не будет никакого магизма, если мы будем совершать это действие с молитвой. На этом сегодня закончим.

26.01.94.